

Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке: (Письма японского миссионера) [Письма XVII: Тоокео, 28 октября, XVIII: Нагасаки, 26 октября 1891 г.] // Богословский вестник 1896. Т. 3. № 9. С. 369–386 (4-я пагин.). (Продолжение.)

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

(Письма японскаго миссіонера) ¹⁾.

ПИСЬМО XVII.

28 Октября 1891. Тоокео.

Грустныя времена настали въ мірѣ: въ Россіи голодъ, здѣсь землетрясеніе, какого не запомнятъ и старожилы.

Въ Тоокео мы не пережили ничего особеннаго. Было сотрясеніе почвы, но въ октябрѣ это не диковина. Здѣсь въ это время землетрясенія, можетъ быть, также обычны, какъ у насъ лѣтомъ грозы. Вреда отъ колебаній не бываетъ, поэтому къ нимъ все относятся вполне хладнокровно. Такъ и въ этотъ разъ.

Въ семь часовъ утра, я только что пришелъ въ свою комнату съ молитвы изъ катихизаторской школы. У насъ, пужно вамъ сказать, ежедневно въ 7 ч. утра совершается общая молитва для учениковъ катихизаторской и пѣвческой школъ. Собираются въ крещальнѣ. Пресев. Николай всегда самъ произноситъ начальный возгласъ и въ концѣ говоритъ отпустъ. Во время его отсутствія на молитву иногда ходитъ кто-нибудь изъ миссіонеровъ.

Не успѣлъ я прийти домой, вдругъ полъ начинаетъ подъ ногами ходить, большой книжный шкафъ трещитъ, висячая лампа качается. Землетрясеніе... Качаніе почвы продолжалось дольше обыкновеннаго, замѣтно было, какъ шатаются наши толстыя стѣны. Это было настолько поучительно, что я поймалъ себя уже на лѣстницѣ, ведущей на дворъ, куда

¹⁾ См. Б. В. Августъ.

изъ разныхъ концовъ зданія направлялись и другіе обитатели, увѣряя другъ друга, что они сильно любопытствуютъ узнать, все ли благополучно наружи.

Однако этимъ экстреннымъ путешествіемъ и ограничились всѣ подробности землетрясенія. Немного погодя, начались классы и время пошло заведеннымъ порядкомъ. Я теперь, вѣдь, преподаю въ семинаріи. Преподаваніе идетъ на японскомъ языкѣ. Японцы привыкли къ устному преподаванію: придти въ классъ съ написанной тетрадкой и прочитавъ ко всеобщему назиданію здѣсь положительно нельзя, никто не будетъ слушать. Приходится говорить. Конечно, иной разъ вмѣсто „опредѣленіе“ или „ограниченіе“ скажешь „заборъ“, вмѣсто „положеніе“ (тезисъ)—„кладъ“, а то и еще хуже, но семинаристы ухитряются понимать и это. Учебники у нихъ по моему предмету (догматика) японскіе, это много облегчаетъ имъ ихъ трудъ.

Такъ, вотъ, 16 октября мы преспокойно продолжали свои занятія, не думая много о землетрясеніи. Оказалось послѣ, что Тоокео задѣто было только однимъ красшкомъ, главный же центръ землетрясенія былъ далеко отсюда, верстъ за триста. Тамъ, произошло, дѣйствительно, нѣчто потрясающее. Разрушены цѣлые города, погибли тысячи народа. Чѣмъ дальше, тѣмъ телеграфъ приноситъ все ужаснѣе извѣстія. Напр., въ провинціи Аици, гдѣ находится большой городъ Нагоя, убито землетрясеніемъ 2428 человекъ, ранено—3110; домовъ разрушенныхъ совершенно или сгорѣвшихъ 42,345, отчасти разрушенныхъ 18,106. Въ сосѣдней провинціи (Гифу) убито 5173, ранено 6527 человекъ; домовъ совершенно разрушенныхъ 40,474, отчасти—4963. Самый городъ Гифу и сосѣдній съ нимъ Огаки почти уничтожены. На мѣстѣ ихъ теперь обширная пустыня, курящаяся развалины и обгорѣлыя деревья. Землетрясеніе произошло какъ разъ въ то время, когда японцы готовили себѣ утренній завтракъ, въ каждомъ домѣ былъ разведенъ огонь, поэтому вмѣстѣ съ паденіемъ домовъ начался сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожаръ, который доканчивалъ то, что оставило землетрясеніе. Много людей, захваченныхъ подъ обломками, раненыхъ, изувѣченныхъ сгорѣло живо. Много пострадавшихъ умерло просто потому, что ихъ не видали во время. Были случаи ужасные. Бѣжитъ старуха-

японка, надающимъ домомъ придавило ей руку. Выдернуть невозможно, а между тѣмъ домъ загорается, ей предстоитъ сгорѣть на медленномъ огнѣ. Сынъ подбѣгаетъ и послѣ напрасныхъ успій освободить мать, долженъ отрубить ей придавленную руку и такъ спасти. Много погибло народу въ одномъ тѣра, гдѣ народъ собрался слушать какую-то проповѣдь: тѣра при первыхъ же содроганіяхъ почвы унало всей своей массой и всѣхъ придавило.

Желѣзная дорога разрушена, телеграфъ порванъ во многихъ мѣстахъ, такъ что сначала нельзя было хорошенько и узнать что произошло.

Наши христіане тоже, конечно, пострадали. Въ Нагоя разрушена церковь остался одинъ только алтарь.

Пресов. Николай въ это время объѣзжалъ церкви средней Японіи и собирался уже возвращаться домой по желѣзной дорогѣ. По сообщеніе прекратилось и ему пришлось переѣзжать область разрушенія на дзинърикися. По его словамъ, зрѣлище тамъ по истинѣ раздирающее душу. Все разрушено, сожжено, жители ходятъ унылые, копошась въ остаткахъ своихъ жилищъ. Многие изъ нихъ съ перевязками, забинтованы, на костыляхъ. „Второй разъ, говорилъ пресов. Николай, ни за какія бы тысячи туда не поѣхалъ“.

Изъ христіанъ убито и ранено только двое, и замѣчательное совпаденіе. Былъ у насъ одинъ катихизаторъ, котораго потомъ отставили отъ должности за нерадѣніе и не способность. Этотъ человѣкъ сошелся съ дочерью одного очень почтеннаго христіанина, они бѣжали тайкомъ изъ родительскаго дома и стали жить въ Огаки. Отъ христіанъ эти супруги, по понятнымъ причинамъ, сторонились. Даже, когда у нихъ родился сынъ, они не позаботились окрестить его, можетъ быть, стыдясь обратиться въ церковь. И вотъ этотъ ребенокъ и мать сдѣлались единственными изъ нашихъ христіанъ жертвами землетрясенія. Отецъ, вставши утромъ, былъ на дворѣ, чистилъ зубы (японцы это строго соблюдаютъ). Вдругъ — ударъ, огнь падаетъ на землю. Поднявшись, видитъ, что отъ дома осталась одна крыша. Онъ бросился къ развалинамъ, началъ стучать, кричать, отвѣта не было. Только чрезъ нѣсколько времени послышался голосъ работника, который погребенъ былъ подъ развалинами.

Хозяинъ разломалъ крышу и освободилъ работника, и потомъ они вмѣстѣ стали отыскивать жену и ребенка. Жена была найдена уже безъ всякихъ признаковъ жизни. Огромная балка, очевидно, ударила ее прямо по спинному хребту и положила на мѣстѣ. Ребенка же мать, должно быть, инстинктивно въ минуту опасности схватила подъ мышку и онъ тамъ задохся. Несчастный мужъ и отецъ пораженъ былъ до крайности. Жаль ему было своихъ родныхъ, но особенно тяжело было сознавать себя отчасти причиною этой горькой ихъ участи, совѣсть говорила ему, что Богъ наказалъ ихъ за небреженіе вѣрой. Онъ приходилъ и въ Тоокео къ епископу, горько плакалъ, каялся въ своемъ грѣхѣ и просилъ опять принять его на службу церкви. Событіе весьма поучительное, и на всѣхъ произвело сильное впечатлѣніе. Дѣйствительно, Богъ поруганъ не бываетъ.

Говорятъ, такого страшнаго землетрясенія не было въ Японіи 37 лѣтъ со времени, такъ называемаго великаго Тоокейскаго землетрясенія. Тогда было настоящее свѣтопреставленіе. Народъ цѣлый мѣсяцъ боялся возвращаться въ свои дома, жили въ палаткахъ лагерями. Погибло баснословное множество людей, будто бы 40 манъ, т. е. 400 тысячъ человекъ въ одномъ Тоокео. Мертвые лежали цѣлыми кучами. Улицы были тогда узкія, во многихъ мѣстахъ мосты черезъ каналы были разрушены, а при землетрясеніи вѣсныхъ пожаръ. Масса народу, отрѣзанная такимъ образомъ отъ остального города, погибла отъ пламени или потонула въ каналахъ, куда бросались ища спасенія отъ огня. Хоронили погибшихъ тысячами, много храмовъ было основано прямо въ видѣ кладбищъ для жертвъ землетрясенія. Одно изъ такихъ кладбищъ прямо и называется: „Дзюу-манъ“, т. е. 10 манъ (100 тысячъ)... Конечно, цифры эти, могутъ быть преувеличены, и даже сильно, но количество жертвъ вѣстакіи было колоссальное. Между прочимъ въ это великое землетрясеніе погибъ у береговъ Японіи и русскій фрегатъ „Діана“.

Теперь по всей Японіи замѣчательный подъемъ духа. Всѣ стараются что-нибудь сдѣлать для пострадавшихъ. Собираютъ деньги, снаряжаютъ на мѣсто несчастія отряды сестеръ милосердія, заводятъ тамъ пріюты, временныя больницы, ходятъ за ранеными, собираютъ сиротъ и бездом-

ныхъ. Не отстаютъ и наши христіане: среди нихъ тоже идетъ сборъ, а женская школа щиплетъ корпію и шьетъ разную одежду для пострадавшихъ.

Помогаютъ и европейцы, въ особенности, конечно, духовныя миссіи. Жаль только, что къ безкорыстному служенію ближнимъ у нихъ примѣшался прозелитизмъ. Не вездѣ матеріальная помощь была безъ условій. Впрочемъ, это обычный путь дѣйствія инославныхъ.

Теперь волненіе немного улеглось, цифры погибшихъ перестали съ каждымъ днемъ увеличиваться, замѣтно даже нѣкоторое стремленіе ихъ сократить. Жизнь становится будничной.

Недавно не вдалекѣ отъ миссіи открывали новый желѣзный мостъ. Открывается онъ, конечно, съ нѣкоторыми обрядами, но главное необходимо найти въ окрестности самаго стараго человѣка. Онъ долженъ первый пройти чрезъ мостъ. На этотъ разъ отыскали двоихъ стариковъ, совершенно равныхъ по возрасту, и тому и другому было по 105 лѣтъ. Предпочтенія нельзя было оказать никому изъ нихъ, ихъ взяли обоихъ. Въ назначенный день и часъ, старики взяли за руки и поковыляли черезъ мостъ. Песемѣтная толпа народа привѣтствовала эту почтенную пару громкими криками.

Тоокее вообще обстраивается. На прежнихъ пустыряхъ теперь возводятся громадныя зданія для министерствъ. Послѣ землетрясенія вѣра въ европейскія постройки, впрочемъ, отчасти поколебалась. Необходимы какія нибудь приспособленія, чтобы предохранить эти постройки отъ паденія.

Пресовъ. Николай вернулся изъ своего путешествія по церквамъ, — вернулся, конечно, усталый и разбитый, сильно похудѣвши, но воодушевленный больше обыкновеннаго. Трудно это путешествіе, но трудность вознаграждается съ избыткомъ тѣмъ высокимъ настроеніемъ, которое оно доставляетъ. Это не ревизія подвѣдомственной спархин, не испытаніе исправности катихизаторовъ и священниковъ, это все второстепенное, главное — въ *посѣщеніи* церквей, въ ободреніи христіанъ, въ устроеніи всего, что въ каждой церкви требуетъ такого устроенія. Это путешествіе вполне апостольское и по цѣлямъ („Утѣшиться вѣрою общою, вашею и моею“, взаимное ободреніе) и по способу исполненія.

Обычно епископъ отправляется, гдѣ можно, по желѣзной дорогѣ, гдѣ нельзя, на дзиньрикиси. Его сопровождаетъ священникъ прихода. На станціи собирается толпа христіанъ, принимаютъ отъ епископа (епископъ) благословеніе и потомъ длиннымъ поѣздомъ дзиньрикиси отправляются въ церковный домъ. Тамъ тоже собрались христіане. Послѣ первыхъ привѣтствій, начинается богослуженіе, или вечерня, если дѣло идетъ къ вечеру, или обѣдница, если утромъ. Служить обычно священникъ, потомъ епископъ, облачившись въ эпитрахиль и омофоръ (мантіи съ собой онъ не беретъ). Гдѣ повернуться въ пей въ маленькихъ и низкихъ японскихъ комнатахъ?), начинаетъ поученіе. Потомъ берется метрика и прочитываются по именамъ все крещенные и записанные въ этой церкви. Узнается, гдѣ каждый изъ нихъ находится въ данный моментъ, какъ соблюдаетъ свою вѣру, усерденъ ли ходитъ въ церковь и т. п. Выспрашиваются разные мѣстные нужды, иногда христіане выступаютъ съ какими-нибудь просьбами, предположеніями и т. п.

Иногда христіане къ пріѣзду епископа пріурочиваютъ публичную проповѣдь для язычниковъ. Нанимаются какая-нибудь общественная говорильня, заранѣе расклеиваются объявленія о пріѣздѣ извѣстнаго „Никорай“, о проповѣди. Въ назначенный часъ собирается народъ. Конечно, приходятъ наши „служители“, какъ они въ разговорѣ съ нами себя называютъ, т. е. бойзы со своими бригами, круглыми головами. Приходитъ для водворенія порядка „дзюнсэ“, т. е. полицейскій, иногда и нѣсколько. Все разсаживаются по полу.

Собраніе открывается рѣчью кого-нибудь изъ катихизаторовъ или изъ особенно говорливыхъ христіанъ, говорятъ нѣсколько человекъ, потомъ говоритъ священникъ, и въ заключеніе всего епископъ, говоритъ обычно часъ, но не болѣе: слушатели утомляются. Одѣтъ онъ обычно въ рясу и папагю, но безъ клобука и безъ... сапогъ. Костюмъ, можетъ быть, не совсѣмъ привычный для русскаго архіерея въ публичномъ собраніи, да еще для проповѣди, но здѣсь иначе нельзя. Случается ему быть и въ полномъ архіерейскомъ облаченіи и въ митрѣ, но безъ сапогъ, наир., на освященіи новаго молитвеннаго дома. „Видали вы когда-нибудь архіерея безъ сапогъ?“ шутливо спрашивалъ онъ меня въ одномъ изъ такихъ случаевъ.

Рѣчь иногда прерывается визгливымъ, какимъ-то зарѣзаннымъ крикомъ: „сидумонъ“ (возраженіе). Съ непривычки, особенно, нервный человѣкъ можетъ совсѣмъ растеряться отъ этого сумасшедшаго возгласа. Возраженіе выслушивается, и, если его можно разрѣшить не нарушая послѣдовательности рѣчи, оно тутъ же и разрѣшается, въ противномъ случаѣ просятъ возражателя погодить до конца. Послѣ рѣчи проповѣдникъ обращается самъ къ слушателямъ съ вопросомъ, не имѣетъ ли кто изъ нихъ что-нибудь сказать противъ. Иногда завязывается настоящій диспутъ, съ криками, жестами, насмѣшками и пр. Иногда „наши сослужители“ сговариваются устроить на проповѣди скандалъ. Подговариваютъ толпу молодежи, преимущественно учениковъ буддійскихъ школъ. Не успѣетъ проповѣдникъ начать, поднимаются крики, возраженія, его отвѣты заглушаются. Въ защиту проповѣдника выходятъ христіане, поднимается гвалтъ пёвообразимый. Буддисты переходятъ иногда и къ дракѣ, тушатъ въ засѣданіи лампы, начинаютъ толкаться. Дѣло кончается вмѣшательствомъ полиціи. Впрочемъ, съ епископомъ до такихъ скандаловъ дѣло не доходило, его всетаки уважаютъ и противники, да и онъ съ обычнымъ достоинствомъ всегда умѣетъ пристыдить и утишить шумливыхъ. „Тридцать лѣтъ живу въ Японіи, сказалъ онъ однажды въ подобномъ случаѣ, и ни разу не встрѣчалъ такой грубости. Очень жаль, что добрые старые японскіе нравы начинаютъ портиться“. Наши „сослужители“ конфузливо смолкли.

Преосв. Николай остается въ каждой церкви день, иногда два, иногда и больше. За это время обходитъ дома всѣхъ христіанъ, присутствуетъ на всякихъ ихъ „симбокуквай“ яхъ (собраніяхъ), говоритъ тамъ рѣчи, проповѣдуетъ. Съ утра до поздней ночи кипитъ дѣло. А кончился день, христіане разошлись по домамъ, священникъ съ катихизаторомъ тоже уже улеглись отдыхать; а епископъ раскрываетъ свою записную книжку, записываетъ все подробно, что видѣлъ, что кому сказалъ, какъ распорядился, чтобы потомъ все это помнить и въ Тоокео. Кончилъ съ записью, нужно прочесть присланныя изъ Тоокео или откуда-нибудь еще экстренныя письма и сообщенія, а прочитавъ написать отвѣтъ. И такъ до глубокой-глубокой ночи сидитъ онъ со своей

работой и съ сердечной думой-кручиной о своей младенчествующей паствѣ. А завтра чуть свѣтъ нужно подниматься, идти по домамъ христіанъ, а можетъ быть и отправляться куда-нибудь дальше на такой же трудъ, на цѣлодневное дѣланіе и на бессонныя ночи. Много для этого нужно и силъ, а главное вѣры и любви.

Много послѣ, преосв. Николай въ письмѣ старался выяснить мнѣ тайну церковнаго управленія. Думаю, будетъ поучительно подѣляться нѣсколькими строками этого письма и съ читателемъ.

Преосв. Николай въ этомъ письмѣ ставитъ вопросъ, что значить имѣть способность къ руководству, къ управленію церковію. „Сердце тутъ нужно,—способность проникнуться нуждами ближняго или ближнихъ, почувствовать скорби и радости ближнихъ, точно свои,—и въ тоже время хладнокровное размышленіе, какъ устранить скорби и упрочить радости,—и рѣшимость поступить въ указываемомъ сердцемъ и умомъ направлеши, и твердость и авторитетность сдѣлать поступокъ правиломъ для другихъ, и пр. и пр., смотря по обстоятельствамъ. Я, когда посѣщаю церковь, какъ бы мала она ни была, на то время дѣлаюсь всецѣло членомъ ея, такъ что для меня въ то время другихъ церквей, да и всего міра, какъ будто не существуетъ (если приходятъ письма изъ другихъ церквей, мнѣ и въ голову не приходитъ прочесть ихъ среди дѣлъ той церкви, а читаю ночью, освободившись отъ мѣстныхъ дѣлъ). Естественно, что все состояніе той церкви, со всѣми мѣстными нуждами, скорбями и радостями, до малѣйшихъ частныхъ, все цѣликомъ вольется въ душу,—и трудно ли затѣмъ обсудить, посоветовать, убѣдить, настоять и под.? Все это такъ просто, все само собою льется съ языка изъ сердца. Только пужно имѣть благоразуміе, не обращать все въ брызги, исчезающіе безслѣдно; систематичность и постоянство нужны, нужно не забывать, гдѣ и кому что сказано, что постановлено, и паблости, чтобы было исполнено. Для этого я веду по церквамъ записи, и при томъ разныя: о церквахъ, о катихизаторахъ, о молитвенныхъ домахъ, о сказанныхъ проповѣдяхъ и наставленіяхъ, аккуратно записывая все въ четыре тетрадки въ каждой церкви“.

Обладая этимъ секретомъ, преосв. Николай и не устааетъ

въ своей Японіи, и конечно не устанеть и до гроба „Многи пѣстуны имате о Христѣ, но не многи отны“. И какъ это приложимо къ японской церкви.

Трудны эти путешествія, утомительны, подъ часъ и неприятностей можно испытать. Но юная паства иной разъ и развеселить своего дай-симпу какимъ-нибудь курьезомъ. Собираются, напр., христіане на симбокуквей. Ораторами должны быть главнымъ образомъ сами христіане. Конечно, для почетнаго гостя ораторы готовились ранѣе съ помощію катихизатора. Вотъ выходитъ на свособразную трибуну, т. е. къ столику покрытому байковымъ одѣяломъ, провинціальная обаасанъ, самая конечно, обыкновенная, какая-нибудь торговка пряниками. Раскладываетъ по столу листики своей „энзэцу“ (рѣчь), торжественно надѣваетъ огромные очки въ мѣдной оправѣ, можетъ быть даже и съ тесемочками, кашляетъ разъ два, и рѣчь началась. Обаасанъ немилосердно громить язычество и ипославіе. „Нѣкоторые говорятъ, что Бога нѣтъ“, саркастически замѣчаетъ она. А ну ка, покажите мнѣ, какъ яйцо снесетъ безъ курицы“?... И побѣдоносный взглядъ на публику.. Вдругъ, послѣ одного изъ такихъ взглядовъ, что то произошло: на лицахъ слушателей нѣкоторое недоумѣніе, а обаасанъ, потерявши прыть и побѣдоносность, какъ-то смущенно покрываесть послѣ каждаго слова. Оказывается, пропущена строка, а возвращаться уже поздно. Впрочемъ, чрезъ нѣсколько словъ смыслъ восстанавливается и обаасанъ съ триумфомъ отходитъ на свое мѣсто.

Своего дайсимпу христіане стараются принять получше, накормить, вообще угокоить. Въ болѣе простыхъ церквахъ это и дѣлается просто. Нѣсколько христіанъ приносятъ „бенто“, т. е. небольшой ящичекъ съ японскимъ обѣдомъ, рисомъ и т. п. Заказываютъ иногда такой обѣдъ въ гостиницѣ, это уже высшая степень. Иной гостеприимный чловѣкъ поднесетъ епископу сырую рыбу, да еще наровить подать ее пока она трепещеть, за что конечно, получаетъ наставленіе. Но есть церкви, гдѣ такимъ простымъ приемомъ не довольствуются. Епископъ европеецъ, нужно его принять поевропейски. Горе епископу, если этотъ европеизмъ опредѣляется только по наслышкѣ. Напр., приѣзжаетъ онъ въ одну изъ такихъ церквей. Какъ угощать ино-

странца? Подаютъ ему одно, единственное яйцо въ горячей водѣ. Яйца, конечно, не стало въ моментъ, а ѣсть страшно хотѣлось. Епископъ утѣшалъ себя мыслию, что вечеромъ еще дадутъ поѣсть, какъ-нибудь протерпѣть можно. Вдругъ изъ-за ширмъ слышится наставительный голосъ о. Матея. „Для сикео (епископа) вечеромъ ничего не нужно, онъ ужинаетъ“. Вотъ тебѣ и разъ.

Тоже и съ ночлегомъ. Обычно епископъ спитъ на японскій манеръ, т. е. на полу подъ футономъ (перина и одѣяло). На мягкихъ циновкахъ это превосходно. Но японцы хотятъ опять таки доставить для епископа больше покоя. Приѣзжаетъ въ одну церковь, а тамъ христіанки сложились, купили матеріала и устроили къ приѣзду епископа матрацъ и подушки. Да матрацъ не обыкновенный, а въ сажень слишкомъ длины и соотвѣтствующей ширины. „Какъ ни вытягивайся, говорилъ потомъ епископъ, а все фута два-три остается въ запасѣ. Это христіанки слышали, что епископъ очень высокъ ростомъ и хотѣли угодить ему.

Иной разъ, впрочемъ, эти попытки европейничать, при всей ихъ курьезности приводятъ почти къ слезамъ. Приѣзжаетъ епископъ въ церковь, конечно, страшно усталый, говоритъ проповѣдь, шѣлый день возится съ христіанами, съ язычниками, и, наконецъ, поздно вечеромъ отправляется едва живой отъ утомленія спать. Его торжественно отводятъ въ приготовленную комнату и еще торжественнѣе показываютъ на приготовленное ложе. Посреди большой и пустой комнаты стоитъ не то ящикъ, не то гробъ, въ которомъ что-то постлано. И узко и коротко, ни протянуться, ни повернуться. А отказаться нельзя: угощаютъ этимъ ложемъ отъ всего усердія, да и готовили его не безъ малаго труда и совѣщаній. Промаялся епископъ эту ночь въ Прокустовомъ ложѣ, всталъ еще болѣе уставшій и измученный. Въ тотъ же день нужно было ѣхать далѣе въ близъ лежащее селеніе. „Тамъ отдохну“, думалъ преосвященный. Но не успѣлъ онъ выѣхать изъ села, глядитъ: впереди четверо молодцовъ тащатъ, что-то такое, несуразное. Нагоняетъ ихъ. Великій Боже! они тащутъ этотъ несчастный и ужасный одръ. Стало быть, и въ слѣдующей церкви угостятъ той же пыткой и безсонной ночью. „Ну, нѣтъ, ни за что на этотъ разъ не сдамся“. Вечеромъ хозяева съ

наипрїятнѣйшими улыбками предложили епископу сократиться въ одрѣ. Но епископъ взмолился отпустить его на покаяніе и позволить поспать рядомъ у этого одра, на полу. Хозяева, конечно, сжалились и на одрѣ особенно не настаивали.

Какъ видите, здѣсь бываютъ печали совсѣмъ особаго свойства. Это уже въ подлинномъ смыслѣ „бѣды отъ сродникъ“.

ПИСЬМО XVIII.

26 декабря 1891 г. Нагасаки.

Произошла еще перемѣна въ моемъ положеніи: на нашемъ военномъ крейсерѣ „Память Азова“ захворалъ священникъ, замѣнить его предложено было нашей миссіи, и вотъ я, какъ находившійся подъ рукой (о. А., далеко въ Хакодате), долженъ былъ ѣхать. Опять я на „маломъ древѣ“ по синимъ волнамъ океана. На этотъ разъ мое древо огромный стальной великанъ, съ тремя трубами и мачтами, съ 600 человекъ команды, съ пушками и пр.

Сѣлъ я на него въ Екогамѣ 6 декабря. Пошли въ Кобе и оттуда, простоявши тамъ дня три, въ Нагасаки. Проходили все тѣмъ же удивительнымъ по своей живописности японскимъ средиземнымъ моремъ. Оно довольно узко, — кажется, берега постоянно видны и съ той и съ другой стороны. Теперь оно было безмятежно и блестяло, какъ зеркало, чаруя взоръ своей акварельной синевой. По временамъ попадались странныя японскія суда съ разрубленной кормой, довольно высокія и неуклюжія. Такую корму придумало въ старые добрые годы японское попечительное начальство, чтобы лишить своихъ вѣрнопопавшихъ возможности предпринимать далекія путешествія въ море и такимъ образомъ предохранить ихъ отъ тлетворнаго вліянія иностранщины. Средство, какъ видите, очень простое и радикальное.

Въ старину японцы имѣли сношенія не только со своими сосѣдами, но и съ Европой. Потомъ пришли отцы іезуиты, стали проповѣдовать христіанство и по своей привычкѣ стали мутить и интриговать. Сегунъ развирѣпѣлъ, началось безпримѣрное по своей жестокости и послѣдовательности избіеніе христіанъ. Только небольшая горсть ихъ

спаслась, скрывшись въ горахъ острова Кіу-Сіу. По всѣмъ городамъ Японіи были на столбахъ выставлены указы, вырѣзанные на деревѣ, въ которыхъ христіанство объявлялось вредопріимой религіей и всякому христіанину присуждалась смертная казнь. Иностранцамъ былъ запрещенъ вѣздъ въ страну (исключеніе сдѣлано было только для голландцевъ, да и то при крайне унижительныхъ условіяхъ), всякому вѣзавшему—смертная казнь. Точно также и японецъ не имѣлъ права переступать границу своего отечества. Кто осмѣлился уйти изъ отечества, тотъ не могъ возвратиться обратно, иначе — смертная казнь. Съ тѣхъ поръ Японія заперлась, замуровалась на цѣлыхъ триста лѣтъ, а японскіе мореходы должны были развѣзжать по своимъ морямъ съ разрубленной кормой.

На смертную казнь и вообще на убійства японцы въ старину были очень щедры. Припомните напр. какъ они пробовали новую саблю. Хозяинъ-самурай, разсердившись на своего слугу, иногда тутъ же рубилъ ему голову; и послѣ жалѣлъ, что нѣсколько напрасно погорячился. Вообще, удивительно это мрачная, отвратительная черта японскаго характера,—это холодное, разсчитанное убійство для убійства. Тутъ даже и геройства никакого нѣтъ,—одна безсмысленная трата жизни, безъ цѣли, безъ оправданія. Или, напр., всѣ эти такъ называемые геройскіе подвиги японцевъ противъ европейцевъ, когда эти послѣдніе были наконецъ допущены въ страну. Самурай всегда подкрадывался къ европейцу гдѣ-нибудь въ углу, на задворкахъ, непременно сзади, если не зналъ заранѣе, что у него нѣтъ никакого оружія, и рубилъ. Зарубивъ отиравался ко властямъ и объявлялъ о своемъ подвигѣ, чтобы и его также бессмысленно, безъ всякаго геройства и подвига, зарѣзали во исполненіе закона. Конечно, много крови пролито безъ всякаго смысла и въ Европѣ особенно во времена рыцарства, да и теперь проливается, но тамъ хоть такого позорнаго убійства изъ-за угла никто никогда не оправдываетъ; тамъ хоть выходятъ открыто другъ противъ друга, тамъ хоть отвага есть. А, вѣдь, въ японскомъ убійствѣ и этого нѣтъ: тихонько зарѣзать человѣка, зарубить его сзади, не рѣдко совсѣмъ беззащитнаго, и потомъ придти и бессмысленно подставить свою голову подъ топоръ, развѣ это отвага?

Это просто тупое швыряніе жизнью, цѣны которой человекъ не понимаетъ. Были и у японцевъ герои и герои знаменитые, но большинство самураевъ, особенно въ послѣдній періодъ сегунства выродились въ описанныхъ убійцъ изъ-за угла.

Или, напр., извѣстное, конечно, и вамъ японское харакири. Человекъ садится въ обычную японскую позу, поджавъ ноги подъ себя, беретъ въ руки длинный кинжалъ безъ рукоятки, обмотанный почти до самаго конца полотномъ, остается только небольшое лѣзвие. Этимъ оставшимся кончикомъ самурай распарываетъ себя животъ. Нужно сначала только надрѣзать животъ: если кинжалъ пройдетъ слишкомъ глубоко, то силы ослабнутъ и харакири выйдетъ неудачно. Надрѣзавши животъ, нужно напрыжиться, животъ лопнетъ, внутренности вывалются (для этого совѣтуютъ имѣть подъ рукой сосудъ съ водой, куда бы можно было положить эти внутренности). Оставшимся силами нужно разрѣзать себя сонную артерію на шеѣ и такимъ образомъ умереть. Ну не бессмысленный ли это животизмъ! Какая-то изысканность въ жестокости, и притомъ безцѣльная, ничѣмъ необъяснимая и неоправдываемая. Что хочетъ показать міру этотъ самурай, копошащійся въ своихъ внутренностяхъ? Это совсѣмъ не геройская смерть, это самоиступленіе, не понимающее своихъ поступковъ.

„Харакири“ составило странную привилегію животизма самураевъ, прочихъ смертныхъ просто рѣзали, если имъ не удавалось умереть мирно. Во всякихъ болѣе или менѣе несчастныхъ обстоятельствахъ или при безчестии самурай распарывалъ себя животъ. Если самураю присуждалась смертная казнь, то ему присылался просто кинжалъ и онъ собственноручно, въ присутствіи государственныхъ чиновниковъ и своихъ друзей, совершалъ надъ собой приговоръ.

Иногда къ харакири присуждали даймона и простые воины убитаго имъ противника старались какъ нибудь захватить его въ свои руки и потомъ вѣжливо и усиленно умоляли его сдѣлать имъ милость распороть свой почтенный животъ, потому что его многоуважаемую голову, по принятому обычаю, имъ нужно положить на могилу нѣ убитаго хозяина. Такую любезную просьбу нельзя было не уважить. Если же даимонъ былъ немолимъ или настолько

не воспитанъ, что не понималъ просьбы, тогда самураи съ приличными случаю извиненіями и конечно, поклонами осмѣливались благопочтительно отрѣзать ему голову. Не подумайте, что все это я самъ выдумываю для краснаго слова. Все это и было такъ на самомъ дѣлѣ.

Не далеко отъ Тоокео и теперь еще показываютъ храмъ, посвященный сорока (или двадцати) одному „роонину“. Роонинами въ старину назывались самураи оставшіеся безъ даймеона. Такъ, вотъ, хозяина этихъ сорока одного самурая одинъ придворный вельможа подвелъ подъ смертную казнь. Хозяина казнили, и самураи стали роонинами. Необходимо было придворному отомстить. Но придворный, конечно, понималъ обычаи страны не хуже рооиновъ и потому былъ на сторожѣ, окружалъ себя стражей. Тогда роонины разсѣваются и совсѣмъ пропадаютъ изъ вида. Придворный, наконецъ, приходитъ къ убѣжденію, что мести ему не будетъ, осторожность свою оставилъ, стражу отпустилъ. Роонинамъ этого только и нужно было. Старшій собралъ ихъ, сдѣлали они себѣ досѣхи, какіе кто могъ (потому что покушать нельзя было: замѣтять) и ночью напали на домъ злополучнаго придворнаго. Предводитель рооиновъ на колѣняхъ, земно кланяясь, просилъ придворнаго распороть животь, не осмѣливаясь дотронуться до такой вельможной особы. Но придворный былъ трусомъ, поэтому роонинамъ, „осоре-нагара“ („хотя и страшно“, равно нашему: „не при васъ будь сказано“, „не вамъ будь сдѣлано“ и т. п.) пришлось самимъ зарѣзать, придворнаго. Голову его они торжественно понесли къ могилѣ своего хозяина. Въ городѣ, конечно, быстро узнали всѣ, рооиновъ почетно встрѣчали на улицахъ, вельможи высылали своихъ дворецкихъ пригласить ихъ отдохнуть на перепутьи, вообще чтили ихъ, какъ исполнившихъ свой самурайскій долгъ (месть за господина). Потомъ по заведенному порядку всѣмъ этимъ героямъ приказано было пораспороть свои животы, что они ко всеобщему назиданію и испотнили, и теперь лежатъ подъ сорокъ однимъ памятникомъ около могилы своего господина. Бонза въ томъ храмѣ покажетъ вамъ ихъ оружіе, даже колодезь, въ которомъ они обмыли голову царедворца, прежде чѣмъ положить ее на могилу господина.

Исторія, какъ видите, очень поучительная. Подкрались, поймали, зарѣзали и потомъ дали себя зарѣзать. И это, по здѣшнимъ понятіямъ, самый высокій геройскій подвигъ, этими сорочка роошиками японцы гордятся и исторія о нихъ ходитъ изъ устъ въ уста, какъ у насъ повѣсть о Сусаннѣ, или о комъ-нибудь въ этомъ родѣ... Въ этомъ сказывается характеръ народа, его міровоззрѣніе. Теперь, конечно, ни животъ распоротъ, ни рѣзать среди бѣлаго дня или ночью своихъ недоброжелателей не позволяютъ и японцамъ, но старая закваска, конечно, этимъ запрещеніемъ не выгнана. Нѣтъ, нѣтъ, да и прорвется опять этотъ старый самурайскій безсмысленный животизмъ. Повидимому, и покушенію на жизнь нашего Цесаревича пронстекало изъ этого же источника. Цуда хотѣлъ зарѣзать, потомъ дать себя зарѣзать, чтобы потомъ прославляться въ качествѣ героя, положившаго жизнь за отечество. На этотъ разъ впрочемъ, его расчеты не оправдались: вмѣсто похвальныхъ пѣсенъ, со всѣхъ сторонъ на него посыпались проклятія. Изъ этого же источника происходятъ и всѣ подвиги здѣшнихъ анархистовъ „сосо“ (соши, какъ коверкаютъ это слово въ газетахъ на англійскій ладъ). Многіе упрекаютъ японцевъ въ развратѣ и пользу христіанства указываютъ именно въ уничтоженіи этого зла. Но укорять свроейцу японца въ развратѣ значитъ не замѣчать бревна въ своемъ глазѣ. Чему угодно, только не цѣломудрію можно выучиться у современнаго культурнаго человечества. Но вотъ отъ животизма, отъ безсмысленнаго презрѣнія къ жизни, къ своему бытію, миѣ думается, японцы могли бы постепенно отучиться подъ вліяніемъ культуры, потому что этотъ животизмъ происходитъ просто отъ грубости нравовъ, отъ дикости.

И все это при изысканной элегантности, при вѣжливыхъ поклоняхъ, при самыхъ сладкихъ улыбкахъ: изящный видъ и черствое сердце. Опять вспоминаются японскіе цвѣты безъ запаха и красивенькія птички безъ пѣнія.

А нашъ крейсеръ все идетъ и идетъ по лазурному зеркалу средиземнаго моря, обгоняя и джонки и пароходы (пробовали ходъ и потому все время шли на всѣхъ парахъ). Изъ его трехъ трубъ клубами валитъ черный дымъ, на кормѣ трепетно полощется георгіевскій флагъ (это въ память Наваринскаго боя, гдѣ отличился русскій корабль

„Азовъ“). Море спокойно, ни зыби, ни морщинки на его глади. Воздухъ прозраченъ, небо ясное, чистое, радостное, видны зеленые берега самыхъ живописныхъ формъ, видны зеленыя горки, жемчужные заливчики, все это въ миниатюрѣ, и все это такъ нарядно, такъ раскрашено въ самыя нѣжные тоны. Кажется, жить бы, да радоваться на этотъ чудный мѣръ Божій, а между тѣмъ сколько крови пролито въ эти жемчужныя воды, по этимъ причудливымъ, смѣющимся горкамъ и полямъ.

Между прочимъ въ средиземномъ же морѣ погибъ не такъ давно и турецкій броненосецъ. Султанъ послалъ его сюда отвезти Микадо орденъ, но на дорогу снабдилъ однимъ пожеланіями. И вотъ бѣдный броненосецъ безконечное число дней и мѣсяцевъ мыкался по бѣлу свѣту, выпрашивая себѣ у добрыхъ людей денегъ на угли. Какимъ-то чудомъ добрался до Японіи, получилъ отъ Микадо для султана японскій орденъ, но обратнаго путешествія уже не перенесъ: въ средиземномъ морѣ (японскомъ) во время урагана этотъ элъ полученный броненосецъ разломился пополамъ, и всѣ погибли. Спаслось только нѣсколько человѣкъ, которыхъ японскіе крейсера потомъ и доставили въ Константинополь на удивленіе всѣмъ.

Ночь мы простояли на якорѣ, а на другой день вечеромъ пришли и въ Нагасаки, гдѣ и теперь стоимъ, и простоемъ еще недѣли двѣ, чтобы потомъ идти на зиму въ Гонгъ-Конгъ.

Жизнь здѣсь идетъ по строгому порядку, всѣ часы заняты и опредѣлены. Утромъ часовъ въ пять, а иногда и раньше барабанъ или прорѣзистый рожокъ собираетъ всѣхъ матросовъ на молитву. Приходишь на верхнюю палубу, тамъ по ту и другую сторону собираются въ двѣ шеренги всѣ 600 человѣкъ. Лицъ не видно, темно, но чувствуется во всемъ утрення ябкость, недослланность. Подходятъ соннымъ шагомъ отсталые, въ сторонкѣ видна фигура вахтеннаго офицера, въ черной шинели съ поднятымъ воротникомъ. Ему тоже и ябко и спать хочется. Всѣ ёжатся, позевываютъ, закрывая лице рукавомъ. Потомъ, отъ офицера доносится: „фуражки снять“, и мы псѣмъ „Отче нашъ“. Сначала выходитъ сипло и сонно, поютъ немногіе, потомъ просыпаются окончательно всѣ и конецъ звучитъ торжественно и мощно.

Командѣ даютъ „чай-пить“, послѣ чего начинаются обычныя утреннія занятія. Скатываютъ палубу. „Мѣдь-желѣзо чистить“, выкрикиваетъ офицеръ. На верхнюю палубу приносятъ „чистоту“. Такъ называется небольшой ящикъ съ цѣлой аптекой всего нечистаго, тутъ и грязныя, масляныя тряпки, и пакля, и пссокъ, и толченый кирпичъ, и пр., и пр., и все это — „чистота“. Такъ время проходитъ до восьми часовъ.

Въ восемь часовъ совершается главный здѣшній ежедневный парадъ—поднятіе флага. Къ этому полу-языческому торжеству должны выдти всѣ офицеры. Какъ только часы пробьютъ восемь, музыканты играютъ особый маршъ, всѣ снимаютъ фуражки, и флагъ тихо поднимается на кормѣ. Далѣе „Боже Царя храни“, и за нимъ національныя гимны всѣхъ тѣхъ націй, суда которыхъ стоятъ на рейдѣ. Вотъ напыщенно полились аккорды англійскаго гимна, чудятся англичане, съ поднятыми носами, со своимъ надутымъ І (я). За ними легкомысленно и лихо понеслись добродушные янки. Вотъ сладко извиваются въ поклонахъ улыбающіеся японцы

Вечеромъ также торжественно флагъ спускается, при чемъ вмѣсто гимновъ играютъ „Коль славенъ“. При закатѣ солнца гимнъ этотъ положительно великолѣпнень.

По праздникамъ собирается походная церковь. Ставится престолъ, жертвенникъ, иконостасъ, съ очень недурными иконами, вѣшаются предъ ними подсвѣчники. Мой Масловъ (вѣстовой), исполняющій должность церковника, разряженный въ пухъ и прахъ, въ сапогахъ „со скрипомъ“, торжественно рассказываетъ, ставить къ иконамъ свѣчи, на которыя очень щедры наши усердные къ церкви матросы. Поетъ небольшой хоръ изъ матросовъ. Служба идетъ, конечно, очень быстро, но военному, но и за то слава Богу. Прямо противъ царскихъ дверей трапъ на верхнюю палубу, направо и лѣво огромныя пушки, около нихъ офицеры, а дальше за машинными люками темнѣетъ сплошная стѣна матросовъ, съ ихъ быстрыми русскими крестами и поклонами. Конечно, всякіе между ними есть. Есть и пьяницы, и легкомысленные, и пр., но вообще это золотой народъ, чистую душу котораго не могло испортить даже многовѣковое рабство татарамъ и помѣщикамъ. Жаль только, что теперь

они блуждаютъ, какъ овцы безъ пастыря, питаюсь лишь скудными крохами.

Съ жадностью ловятъ они всякое слово о душѣ, о спасеніи, только бы говорилъ кто имъ. Поэтому и сектанты проникаютъ всюду и находятъ себѣ послѣдователей. Невѣжду сбить съ толку легко, особенно искренне-желающаго свѣта истины и спасенія. Запретить принимать лжеученіе нельзя, нужно раскрыть человѣку истину, тогда онъ самъ не приметъ лжи.

Японцы относятся къ нашимъ морякамъ очень благодушно, тѣмъ болѣе въ Нагасаки, гдѣ русскіе уже много лѣтъ зимуютъ цѣлыми эскадрами. Тутъ есть прямо традиціонныя знакомства нашихъ моряковъ. Вотъ, напр., Бенгоро. Что можетъ быть оригинальнѣе этого типа? Сухой, тонкій, съ коричневымъ лицомъ и руками, съ косыми глазами, съ жалкими клочками вмѣсто бороды и усовъ, и... во фракѣ съ цилиндромъ. Нужно видѣть его, чтобы понять, какъ это удивительно. Или вотъ приходитъ въ каютъ-компанію почтенный старикъ-японецъ и рекомендуетъ, тѣмъ, кто его еще не знаетъ (а такихъ очень мало), что онъ черепаха-человѣкъ. За нимъ жалуютъ другіе, потѣнше и попроче: одинъ всхлинываетъ и увѣряетъ, что онъ кошка-человѣкъ, а другой съ такими же предисловіями называетъ себя собакой-человѣкомъ. Цѣлый штатъ японцевъ со звѣриными клычками. Всѣ они готовы исполнить вамъ всякое порученіе, принести, что угодно и найти, что хотите. Настанутъ праздники, Рождество, Новый годъ, вся эта дворня приходитъ съ поздравленіями, приноситъ неизмѣнной кастеры (бисквиты) съ разными хитрыми украшеніями. Многіе говорятъ по-русски. Совсѣмъ особый видъ имѣетъ наша стоянка въ Нагасаки.

Обращаются съ предложеніями и ко мнѣ, величая меня: „бонза-санъ“. Одинъ, напр., предлагалъ даже поправить наши церковныя подсвѣчники.

На улицахъ вездѣ поклоны и улыбки, любезность безграницная. Можетъ быть, впрочемъ, причина всему этому простая: моряки щедро сыплютъ здѣсь деньгами. Впрочемъ, всѣ моряки щедры, однако больше любятъ нашихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архимандритъ Сергій.